

A woman is shown from the back, her head turned slightly to the left. Her hair is dark and pulled up. The skin on her back is covered in a network of golden-yellow cracks, resembling dried mud or shattered glass. She is wearing a dark, possibly black, garment. The background is a warm, hazy golden-brown color with soft light rays filtering through.

По линии  
разлома

Одра Грэм

18+

# Одра Грэм

## По линиям разлома

*<https://litres.ru/74642148>*

*SelfPub; 2026*

### Аннотация

Каждую полночь в кофейне пригорода Чикаго появляется загадочный человек в косухе. Все знают, какова его история, кроме Андреа, совсем недавно переехавшей в знаменитый Город ветров и мечтавшей о собственной школе классической музыки. В одну ночь Андреа оказывается вынуждена помочь человеку в косухе преодолеть то, с чем он столкнулся, и узнать, что перед ней Берт Беннет — принц жанра дарк-кабаре, которому довелось пройти через ужасающие, по-настоящему ужасающие вещи...

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Пролог                            | 4  |
| Глава первая                      | 6  |
| Глава вторая                      | 21 |
| Глава третья                      | 44 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 64 |

# Одра Грэм

## По линиям разлома

### Пролог

Мелодия легкой капли после дождя заглушалась оркестром скрипящих шин, стучащих по асфальту каблучков и вездесущих голосов. Слишком много звуков, слишком много красок, отпечатывающихся под веками вспышками белого, красного и синего. Все, как я и хотела в тот день — вечерний Чикаго, я и он. «Вечерний Чикаго, я и он» не просто как три несвязанных элемента в какой-нибудь легковесной бессмысленной композиции, а как частички чего-то тесно сплетенного между собой, неразрывного и необоримого, как сам океан.

Мои ноги заплетались на стоптанной подошве кроссовок, и я смеялась-смеялась-смеялась, утыкаясь лицом в его выдавшую виды косуху, от которой все еще пахло дорогой кожей и древесно-влажным парфюмом. Опьяненные накануне выпитым вином и эмоциями, мы ловко маневрировали между нестройными рядами спешащих домой людей и в итоге свернули за угол улицы, чтобы, прислонившись к стене здания, наконец от души отсмеяться шутке, вскользь услышанной от проходящих мимо молодых людей.

Тогда на улице стояло двадцать пятое октября. Я бы хотела запомнить только этот день и никакой больше, но мыслями я снова там, в другом — внутри дома, который уже привыкла называть своим. По обыкновению прекрасный и светлый, вид из его окна казался мрачным и тусклым, как гаснущий фитиль старой керосиновой лампы. Ураган пригнал тучи — серые-серые, они закрывали собой солнце и синеву неба; дождь косой дробью бил в окно. Такой же ураган бушевал внутри: он не пощадил ни китайскую вазу, ни журнальный стол, разлетевшийся в щепки, ни акустическую гитару, ни книжные полки. Он смел все на своем пути и теперь, успокоившись, сидел в углу комнаты посреди всего этого хаоса и дышал тихо-тихо, как будто воровал воздух у пространства. Чувствовал ли он себя виноватым? Возможно. Но мне было плевать.

Дорожка из капель крови, ведущая от клавиш рояля, заканчивалась у его согнутых ног. Мои окровавленные руки дрожали, сжимая перочинный нож на скользкой рукояти. Все уже закончилось, но на душе было мерзко и туманно.

Что сказать человеку, для которого слова теперь — пустой звук? Что говорить, когда уже поздно?

Нож со звоном упал на паркет, больше не удерживаемый моей рукой. Возможно, капли крови забрызгали мои туфли, но я уже разворачивалась, уходя. Я правда ушла. Ушла, чтобы потом понять, какой великой и непоправимой это было ошибкой.

# Глава первая

Пальцы, зажимающие струны, и рука, держащая смычок, воспроизводили пока еще несмелые минорные звуки. В этом звуке таилось зарождение истории, обещающей развиться до немыслимой степени драматизма и отчаяния. Скрипка всегда играет на крепко натянутых нитях души, тронешь — и весь ряд содрогнется в прекрасной, очищающей боли.

Именно этому я всегда учила своих учеников: обращаться с инструментом как с самым точным и верным губителем и одновременно врачевателем душ. Слушатель должен испытывать катарсис, должен захотеть уронить слезу и ощутить, как прекрасен этот миг, когда он слышит звуковое переложение нот, впечатавшихся в бумагу.

Соня, попробовав первые из них, проникла в самую суть мелодии и с чувством разогнала, развивая историю. Я сидела на диване и наблюдала за каждым движением ее рук, кончиков пальцев и даже едва шевелящихся от нажима ногтей. Когда она закончила продолжительным движением смычка на немного сбившейся «ре», я вскочила с дивана и хлопала в ладоши.

— Я знала, что у тебя получится! — без раздумий я подошла и коротко ее обняла. — Нужно было просто немного сосредоточиться.

Девочка выглядела смущенной.

— Что, прям все-все получилось?

— Ну, ты немного смазала конец, и твою осанку надо чуть подправить, но в остальном... — пришлось остановить себя, пока я не наболтала восприимчивому маленькому ребенку кучу слишком профессиональной чепухи, которая ей пока была не нужна. — Соня, ты правда большая молодец. Передай своим родителям, что я тебя очень хвалила. Договорились?

— А ты разве не останешься на чай? Мама и папа совсем скоро...

— Прости, мне нужно бежать на работу.

Плечи Сони поникли.

— В кофейню, да?

— В кофейню.

— Когда-нибудь, — переменившись в лице с радостью заявила она, — ты будешь зарабатывать ку-у-учу денег на своих концертах!

Я рассмеялась.

— Обязательно, дорогая.

Основной проблемой являлся тот факт, что, выходя от своих учеников и направляясь на работу, я становилась жутко злой и раздраженной. Настроение переключалось резко как тумблер. Благодарность работе за деньги не имела границ, но и усталость границ не имела.

Когда-то работа в сфере гостеприимства всегда казалась мне эстетичной, волшебной. Будучи семнадцатилетней дев-

чонкой, я часто ходила в кофейню в своем провинциальном городке и наблюдала, с какими виртуозностью и мастерством местные бариста готовили мне карамельный капучино: все эти выверенные плавные движения руками, взаимодействие с холдером, кофемолкой, а потом уже и кофемашиной. Мой взгляд с восхищением задерживался и на официантах в выглаженной строгой форме, которую те содержали в чистоте и аккуратности настолько, словно от этого зависела их зарплата; они плавно передвигались между столиков с подносами, вежливо улыбались и с чуткостью угадывали желание о повторении восхитительных напитка и десерта...

Тогда перспектива попробовать себя в этой сфере и правда казалась мне привлекательной, но теперь я не пила карамельный капучино, предпочитая терпкий американо на скорую руку, и не считала, что работа в общепите — апогей моих профессиональных грез. К тому же, с самого детства у меня было совершенное иное предназначение.

Лола, моя сменщица, встретила меня неприязненным взглядом за то, что я опоздала на пять минут, тем самым продлив ей смену. Она была моей ровесницей, но для двадцатитрехлетнего возраста она казалась слишком недовольной и ворчливой. Действительно, кто из нас имел привилегию быть бессовестно счастливым?

Она скинула грязный, в молочных разводах, фартук в подсобке, молча забрала свои деньги и ушла.

В первые дни работы пришлось столкнуться не только

со сложной аппаратурой, но и с тем фактом, что теперь мне приходилось работать с людьми, а не с музыкальными инструментами. Люди самых разных возрастов и складов характера маячили перед глазами и взаимодействовали со мной — кто-то дольше, кто-то на более короткое время, но ко всем ним нужно было моментально учиться притираться. В этой тусклой чикагской кофейне на окраине радовало только одно — пианино, стоявшее около стены между столиками, оставшееся от прошлого владельца помещения. Оно было старым, расстроенным и звучащим только тогда, когда сюда приходили с детьми, решившими попробовать себя в роли музыканта на десять минут, пока родители заказывали и ожидали свой заказ. Пару дней назад я настроила его до приличного звучания и иной раз садилась на потрепанную бархатную банкетку во время перерыва или если приходила на работу слишком рано. Мелодия, раздававшаяся из глубин моего самого любимого инструмента, быстро приводила меня в чувство, даже если я наигрывала обыкновенный «Собачий вальс».

Этот рабочий день был тяжелым из-за потока людей, появлявшихся с такой частотой, будто мы в центре города. Убрав лужу под кофемашиной, которая иногда вела себя как капризная девица, я принялась вытряхивать использованный кофе из холдера. Он не всегда вытряхивался с первого удара об нок-бокс и мне явно пришлось бы повозиться, если бы краем глаза я не увидела тень, загородившую собой свет

тусклых лампочек бара. Тень села точно за барную стойку. Я мельком взглянула на часы — до закрытия смены оставалось семь минут — и поняла, что не имею права отказать гостю.

Я развернулась к нему.

— Добрый вечер. Что желаете?

Пространство опустевшего бара казалось насмешкой над щуплой фигурой этого человека. Сколько он весил? Пятьдесят пять килограмм?

В капюшоне на голове и кожаной косухе, он смотрел на меня продолжительно, но нечитаемо. Развернув ко мне лежащую на стойке барную карту, он показал пальцем на одну из позиций.

— Двойной эспresso? — уточнила я на всякий случай.

Посетитель молчал. Только его палец все еще указывал на двойной эспresso, который за сегодня я успела сделать двадцать раз. Если честно, меня раздражали гости, которые приходили под закрытие; Рита, начальница, еще утешала, мол, всех новичков это раздражает, а «побитые жизнью и опытом» бариста им даже радуются.

Двойной эспresso я приготовила быстро.

— Ваш кофе, — как можно более дружелюбно произнесла я и поставила маленькую чашку перед посетителем.

На мгновение я замерла — тот смотрел на меня все тем же продолжительным нечитаемым взглядом и молчал. Если честно, я не могла понять, кто передо мной: парень или мужчина. Возраст словно стирался из-за его одежды и длинных

черных волос, выглядывающих из-под капюшона, и странной, неординарной внешности.

Вспомнив про сахар, я взяла с бара два стика и положила перед ним, надеясь, что теперь угадала его пожелания. Но он продолжал смотреть.

Мне стало жутко и неловко. Послав ему неуверенную дежурную улыбку, я развернулась и принялась заниматься своими делами. Бар должен был закрыться через три с половиной минуты и вот тогда уже можно будет замывать оборудование и полноценно убираться. За это время я успела помыть один холдер, а незнакомец в черном все продолжал сидеть на месте.

При всей моей лояльности к любому, кто заказывал у нас что-либо из еды и напитков, я не выдержала. Отложив тряпку, я обратилась к гостю:

— Прошу прощения, но мы уже закрыты и...

Договорить мне было не суждено, потому что меня настойчиво шатнуло в сторону. Это была рука улыбающейся от уха до уха Риты.

— Андреа, можно на тебя на минутку?

Я немного опешила и, воспользовавшись этим, Рита отвела меня в сторону — в подсобку.

— Умоляю, Бога ради, никогда не говори ему, что мы закрыты и не выпроваживай, — тихо начала говорить она. — Он всегда приходит под закрытие, и мы разрешаем ему сидеть, пока убираемся. И да — он на всех так смотрит, если

тебя это смущает.

Я ощущала себя странно, словно меня отчитывали за поведение, которое в обществе считается правильным.

— Я не понимаю, — мои брови нахмурились. — Он что, звезда местного разлива?

— Называй как хочешь, — Рита пожала плечами. — Если в тебе есть сострадание, ты не будешь его прогонять.

— А причем тут...

— Пошли уже. Закрывать пора. Я, знаешь ли, хочу выспаться перед завтрашней сменой.

Я старалась вернуть себе непринужденный вид, словно только что мы с Ритой не разговаривали о нашем госте в подсобке, который, к слову, ушел ровно через десять минут, оставив недопитый эспрессо и нетронутые стики сахара. Я лишь пожимала плечами. У меня и без того хватало забот. Например, первой из них я считала приближающийся срок арендной платы за комнату. Такие моменты спускали меня с небес, где я видела себя великой женщиной-композитором, собирающей целые филармонии, на землю. Обычное, мирское довлело над высоким и заоблачным, которое иногда заполняло голову. Жизнь сурова, и если ты закончил музыкальную школу экстерном, это не означало непренный достаток. Мне приходилось перебиваться с цента на цент и продумывать каждую свою покупку; работа в кофейне на полставки и репетиторство не давали нужного дохода. Да, я могла бы работать чаще и больше, но папа всегда го-

ворил, что если и умирать за мечту, то только не способом переутомления. Я копила на собственную студию, где могла обучать всех желающих ремеслу музыки, но, если честно, пока что получалось не очень, учитывая непредвиденные траты наподобие увеличения суммы арендной платы и покупки новой скрипки, потому что моя пошла трещиной из-за падения со стены.

— Когда ты переедешь в большой город, — говорил папа, — тебе может показаться, что все идет против тебя, но это просто этап жизни, который нужно пережить. Не города выплевывают людей обратно в провинции, это люди не удосуживаются принять новые правила игры.

Что сказать, по папе я скучала очень сильно. Его упертость не позволила ему переехать вместе со мной, а если точнее — убежденность в том, что он повиснет «грузом» на моей шее. Но это было не так. Это никогда не было бы так. Пока что нам хватало звонков по видеосвязи на выходных, и совсем скоро, ближе к концу мая, я собиралась навестить его в родном городе.

Если и было за что любить новый рабочий день, так это за тишину и спокойствие перед открытием заведения. Я спокойно отпирала ключом задний вход, лениво переодевалась в фирменную футболку, включала оборудование, настраивала помол под Шопена и записывала показатели в журнал. Рита, если был день ее смены, приходила позже, поэтому я могла насладиться умиротворением и одиночеством. До прихо-

да первого гостя, разумеется.

Это был день полноценной смены, потому что Лола, внезапно сделавшись милой и доброй, слезно попросила ее подменить. Утро, день и вечер прошли в суетливой возне — почему-то мои руки, всегда бережные и аккуратные с инструментами, были небрежны и неосторожны с другими предметами: случайно я пролила молоко из питчера, которое затекло под кофемашину, вытряхнула использованный кофе мимо нок-бокса, несколько раз сделала гостям не тот напиток... Что-то назревало. Интуитивно я словно предчувствовала это и, будучи эмоциональным человеком, сильно переживала до тех пор, пока не осталось десять минут до закрытия. Когда вчерашний хмурый и молчаливый гость сел за стойку и указал на эспresso, я с облегчением выдохнула — сюрпризов не предвидится. Я была ему даже рада.

— Всегда эспresso, да? — меня отчего-то тянуло поговорить. — Я тоже считаю, что настоящий вкус кофе можно почувствовать, лишь выпив его в чистом виде.

Я нажала на кнопку пролива, не оглядываясь на гостя и продолжая говорить:

— Раньше я любила только капучино с карамельным сиропом. Иногда мне даже стыдно в этом признаться, поэтому обычно...

Послышался скрип ножек по полу. Такой неприятный резкий звук, от которого у меня едва не свело челюсть. Обернувшись, я увидела только скрывшуюся в дверном проеме

черную макушку.

Это сбило меня с толку. Как минимум, я считала, что некрасиво, не предупредив, уходить, когда с тобой пытаются завязать пускай даже мимолетный, но дружеский контакт. В такие моменты я склонялась к мысли, что общество уже давно сошло с ума, раз перестало воспринимать своего ближнего как подобает — с уважением и тактом. Быть может, так оно и было, а, может быть, у меня было слишком хорошее воспитание.

Я снова пожала плечами и принялась убираться. Готовый эспрессо оставила на стойке.

Самым неприятным в уборке был вынос мусора. Я и мои сменщицы стабильно таскали на себе заполненный мусорный мешок объемом сто двадцать литров к бакам на задний двор, где располагалась курилка для посетителей. Чего уж там, мы с Ритой иногда тоже бегали курить, чтобы было чем заняться в перерыве.

И вот, водрузив на спину мешок и молясь, чтобы оттуда ничего не потекло, я вышла к бакам. Вышла и на несколько секунд застыла, забыв, зачем я вообще сюда пришла. Мешок соскользнул со спины на асфальт.

Тот загадочный человек в косухе сидел в курилке. Сперва могло показаться, что он просто вышел подышать свежим воздухом, но, во-первых, он сидел на земле, игнорируя лавку, а во-вторых, его дыхание было слишком шумным, сбивчивым и прерывистым, словно у сломавшегося паровоза.

Возможно, ему требовалась помощь, и я осторожно подошла к нему, немного склонившись.

— Эй, — мой голос был мягким и дружелюбным, — у вас все в порядке?

В темноте приближающейся ночи я только заметила, как сильно у него ходят ходуном руки, пытающиеся обхватить напряженное тело.

— Вам плохо? Мне вызвать скорую?

Если бы он сказал мне хоть слово, я бы смогла угадать его пожелания или услышать какую-то просьбу, но он молчал, а из его горла только вырвался сип. Он отчаянно замотал головой.

— Вы можете сказать, как вам помочь? — мне стало делаться дурно от этой жуткой ситуации. — Пожалуйста, скажите хоть слово. Вы астматик? У вас паническая атака?

От немого по каким-либо причинам человека глупо ждать диалога, но я испытала облегчение, когда он пунктирно закивал при упоминании панической атаки.

Информация не делала ситуацию легче, потому что я знала о признаках панической атаки, но мне еще никогда не доводилось помогать кому-либо ее побороть. В какой-то брошюре я читала, что при подобных приступах на человека накатывают беспричинные тревога и страх; он думает, что скоро умрет или сойдет с ума, а тело сигнализирует о своем состоянии аритмией, сбивчивой моторикой и холодным потом. Знать все это довольно неплохо для общего развития, но как

помочь другому человеку — уже совсем другой вопрос.

— Слушайте, — я присела напротив, чтобы оказаться с ним на одном уровне. Ему становилось хуже. — Это ведь только в вашей голове, так ведь? Вы в безопасности. Можно я возьму вашу руку?

Голова незнакомца с глухим стуком прислонилась к стене позади, в его глазах блестела влага. Он не дал мне разрешения, потому что просто не мог, поэтому, мгновение помедлив, я несмело обхватила пальцами его ледяную полусжатую ладонь.

Я никак не помогала. Чуткость и эмпатия не гарантировали решение чужой проблемы.

— Я вынуждена позвонить в скорую.

На этих словах мои пальцы оказались сжаты так сильно, что я почувствовала, как плотно и болезненно кости фаланг трутся друг о друга. Это, видимо, означало нет.

Я была в растерянности.

— Хотите мы пойдем внутрь? Там тепло и совсем никого нет.

Снова молчание, перебивающееся тяжелым хриплым дыханием.

— Помогите мне поднять вас. Ну же. Поможете? — я слабо пошевелила его за руку и поднялась на ноги, которые успели затечь из-за неудобного положения.

Пришлось сначала мягко, а потом уже сильнее потянуть его на себя. Это должно было быть легко, учитывая его сме-

хотворный вес, но это тело оказалось настолько напряженным и задеревенелым, что сделалось непослушным и не подотчетным даже своему хозяину.

С моей помощью он поднялся на ноги, но весь медленный путь, который мы вместе в неловкую полуобнимку проделали до двери кофейни, я гадала: он согласился, чтобы принять помощь, либо это сказывалось его «ведомое» состояние?

Внутри я посадила его на стул, поспешно налила ему воды и поставила перед ним на стол.

— Нужно сделать хотя бы глоток.

Если честно, я действовала интуитивно, но липкий страх начал овладевать мною очень стремительно, и паника начала передаваться и мне.

Размеренно дышать он пытался и без меня, но вряд ли был в состоянии пойти налить и уже тем более попросить воды.

Из-за усилившегося тремора рук вода выплескивалась из стакана, и мне даже показалось, что при попытке сделать глоток, он всхлипнул.

— Послушайте, — я провела ладонью по волосам, — я совершенно не знаю, как вам помочь, но лично меня успокаивает музыка. Вот эта.

Почти в отчаянии я села на банкетку, открыла крышку пианино и бегло проиграла первые ноты «HistorietteNo.5» Фабрицио Патерлини. Настрою играть не было, я была в раздрае из-за испорченного вечера, но пальцы по привычке продолжили воспроизводить музыку, которую я знала наизусть еще

с подросткового возраста.

В этой мелодии меня всегда поражал и вдохновлял накал трагизма и одновременно прилив умиротворения. Одно из лучших произведений неоклассики стоило играть как подobaет, и я распрямила спину, приподняла подбородок и обернулась в ничем не затуманенный сгусток ощущений. Я играла душой, а не пальцами, играла самозабвенно, играла-играла-играла, пытаюсь угнаться за смыслами, спрятанными под шлейф минорных звуков, но они ускользали от меня, точно хотели остаться неразгаданными, чтобы за ними гнались еще сильнее и быстрее... Я закончила с замиранием сердца, словно совершила прыжок с высокого трамплина, несмотря на логически спокойное завершение композиции.

На пару мгновений я даже забыла, что находилась в кофейне не одна, потому что за столиком стало тихо.

Я обернулась. Молчаливый гость сидел, широко распахнув глаза. Его руки и тело больше не дрожали, и взгляд прояснился, словно приступа панической атаки вообще не было.

Никакие слова не лезли на ум.

Гость наконец нормально сделал глоток из стакана, на негнущихся ногах встал и проследовал к выходу. У меня ушло около пятнадцати секунд на осознание, чтобы я последовала за ним. Я выглянула на улицу и негромко прокричала удаляющейся фигуре:

— Позвольте хотя бы вызвать для вас такси!

Но он, конечно же, не ответил.

Так закончилась моя шестнадцатая смена.

## Глава вторая

Выходные выдались напряженными даже с учетом того, что никто не звонил: ни родители моих учеников, ни коллеги из кофейни. Моя соседка по квартире, тоже арендующая комнату, сказала, что Джим, возможно, планирует продавать это жилье. В один из дней, когда я была на работе, он заходил проверить, все ли в порядке, и якобы заронил информацию о том, что квартира скоро уйдет под молоток. С чего Лаура это взяла, было неясно, но что-то тревожное во мне все равно всколыхнулось. Если Джим действительно решит продать квартиру, мы лишимся адекватного арендодателя с более-менее приемлемой ценой, но самое главное — лишимся доступного жилья.

Нет, я всегда смотрела в будущее с оптимизмом и была уверена, что смогу найти себе место, правда вариант хостела, какой бы он хороший ни был, меня не устраивал. Возможно, следовало спросить у Джима напрямую, когда его увижу.

Первый день выходного я провела, лежа на кровати с телефоном в руках: переписывалась с Лаурой, которая тоже «откисала» в соседней комнате после смены в парикмахерской, листала соцсети и около получаса говорила с папой. Он все беспокоился, не утруждаюсь ли я сильно на двух работах.

— Я знаю, что прозвучу как старый дед, но и лет мне немало, — он завел свою привычную песню, — просто я хочу

чтобы ты поняла, что ничего не стоит твоего здоровья, ничего. Посмотри на меня и мои руки. Разве работа на стройке дала мне что-то хорошее?

— Нет, пап, — согласилась я. — Но я стараюсь так сильно, чтобы потом, когда устроюсь в преподавательстве, перестать так надрываться. Ну а пока нужно немного потерпеть.

— Ты упрямая как... — он не закончил. Иногда это сравнение с матерью он успевал договорить, но иногда осознание приходило к нему раньше. Тема мамы не была табуирована в нашей маленькой семье, но относилась к числу не самых приятных.

В основном я рассказывала папе как у меня идут дела во всех сферах, кроме одной. Впрочем, он всегда спрашивал первый.

— Возможно, теперь-то у тебя появился ответ, когда я стану тестем?

Я закатила глаза.

— Ну па-ап.

— Я серьезно, дорогая. Я не хочу, чтобы ты была одна, как я.

— Я не одна, у меня есть ты!

Отец покачал головой.

— Ты знаешь, о чем я.

Конечно, я знала. После моего рождения мама бросила нас, и отцу было тяжело воспитывать меня в одиночку. Но оттого я так сильно его любила: за его мужество, стойкость,

заботу и за то, что он отлично справился со своей задачей. Сейчас ему было шестьдесят пять лет, и я понимала, почему он так обеспокоен моими отношениями, он просто боялся оставить меня одну.

Всегда были только мы: я и он. Вместе против целого мира. Я не представляла, каково это — впустить в свою жизнь кого-либо еще, хотя в старший классах у меня был парень, но все это спустя года начало казаться детским лепетом.

Остаток дня и весь второй выходной я провела за уборкой в комнате и в общей кухне. Уборка скрашивала мои дни, когда нечем было заняться, и даже успокаивала. Около десяти часов я легла спать и, проснувшись, помчалась к Аарону — своему ученику, заканчивающего класс фортепьяно и готовящегося к отчетному концерту.

Уже сидя у него дома, пока родители пили чай на кухне, я пыталась внушить ему, что все будет хорошо.

— Не думай о том, что ты собьешься. Просто слейся с мелодией.

— Но это игра в четыре руки... — снова засомневался он.  
— Я не могу играть с Тришей, мне с ней некомфортно. Она лучшая ученица среди всех в классе.

Я изогнула бровь.

— И ты просто боишься, что она тебя затмит?

Я привыкла спрашивать прямо, чтобы понять, что у учеников на душе.

Аарон страдальчески выдохнул:

— Да.

— А ты попробуй изменить к ней отношение, попробуй мысленно благодарить ее за то, что она разделяет с тобой этот прекрасный миг.

Похоже, это увещевание подействовало, и Аарон больше не стал кривиться всякий раз при упоминании своей партнерши. Мы вместе сыграли «Сентиментальный вальс» Шуберта несколько раз, пробежались по ошибкам, и я отправилась в кофейню.

Протирая столики, я могла ожидать чего угодно: что на меня случайно прольют кофе, что-то какие-нибудь хулиганы накрошат мусора мне под ноги... Но только не того, что я вновь увижу странного человека в косухе.

Он стоял рядом с каким-то мужчиной возле лимонного дерева, и они оба кого-то воровато высматривали. Что-то в груди протестующе сжималось при мысли, что высматривали они меня, но я поняла, что вещи, которые мы не желаем, иногда имеют свойство случаться, потому что второй незнакомец двинулся точно в мою сторону.

Я замерла в ожидании неизбежного.

— Эм, привет... Андреа? — мужчина с короткой стрижкой осветленных на конце волос поздоровался со мной, бегло взглянув на бейджик с именем. — Я Пол.

— Добрый день, Пол, — в мыслях я уже успела перебрать самые разные варианты того, что ему нужно, но, как выяснилось, не угадала ни с одним.

— Андреа, это мой брат — Берт, — он представил мне этого загадочного человека, подошедшего к нам следом. — Берт рассказал мне, как ты... кхм, оказала ему помощь, когда она ему потребовалась. Это было очень мило с твоей стороны.

— О, я... — все слова вылетели из головы, а глаза в легком приступе паники забегали с одного мужчины на другого. — Пустяки на самом деле...

— Мы так не считаем, — Пол очаровательно улыбнулся и продолжил: — У тебя есть несколько минут посидеть с нами за столиком?

Я нервно оглянулась на Риту, стоящую за кассой.

— Если только несколько минут, — улыбнулась я, предчувствуя что-то странное.

Мы сели за ближайший свободный столик.

— Это тот чудо-инструмент? — Пол кивнул в сторону старенького пианино. — Всегда было интересно, как у людей получается совершать двумя руками разные действия.

Тему музыки я могла поддержать с легкостью.

— Всего лишь дело практики. Это то же самое, что жонглировать — принцип одинаковый. В этот момент мозг создает и укрепляет новые нейронные связи, которые...

Вдруг я поняла, что оба смотрят на меня слишком уж пристально.

— Прошу прощения, меня может занести, когда дело касается музыки...

— Нет-нет, это и прекрасно, — заверил меня Пол. — Не каждый день встречаешь человека, горящего своим делом и способного этим делом помочь кому-то другому. Вот что, Андреа, — он сделал небольшую паузу, словно обдумывая дальнейшие шаги, видимые только ему одному. — Мы хотели бы пригласить тебя завтра на ужин. В качестве благодарности за твою помощь.

Внезапно пришло осознание жутко глупого и абсурдного положения: я в грязном фартуке с тряпкой в руке получаю приглашение на ужин от весьма странных личностей, одна из которых сама не состоянием озвучить это приглашение. Неудивительно, что первые секунды я пребывала в ступоре.

— Это очень мило, но не стоит на самом деле...

— Боюсь, отказы не принимаются. Если мы с Бертом вознамерились что-то осуществить, мы это делаем.

Тут я впервые увидела, как этот человек — Берт — закатывает глаза, и это означало что-то вроде: «Боже, что ты несешь?».

Я ходила по грани двух опций: первая заключалась в том, чтобы все же отказаться, потому что у меня не было свободного времени и желания провести час или два в неловкости, а вторая в том, чтобы согласиться, потому что мне было жутко любопытно, кто такой этот Берт и что он из себя представляет, особенно учитывая слова Риты, сказанные однажды в подсобке. Молчаливый человек с приступами панических атак, которому разрешается сидеть после закрытия

кофейни из сострадания... Это должно было быть интересно. И тем не менее я чувствовала себя малодушной эгоисткой, раз могла согласиться только из любопытства.

— Завтра я работаю допоздна, поэтому мне жаль, но...

— Как на счет первой половины дня?

В хорошем смысле я поражалась такой настойчивости. Приглашение казалось мне благородным жестом. В конце концов, мне было слишком совестно отказывать.

— Хорошо, — я неуверенно поджала губы в улыбке. — Куда мне подъезжать?

— Лейк-Форест, это пригород. Я вызову тебе такси до нужного места.

Сочетание фраз «Лейк-Форест» и «вызову тебе такси» навело на странные мысли. Во-первых, Лейк-Форест — один из самых зажиточных пригородов Чикаго, а во-вторых, предложение оплатить такси за их счет означало, что жили они вполне... не бедно.

Я сделала вид, что меня ничего не беспокоит.

— Нужен твой номер, — Пол улыбнулся, доставая телефон.

Все это время второй не сводил с меня пристального, вгоняющего в легкий мандраж взгляда.

— Да, конечно. Записывайте...

Мои догадки о том, что все не так просто, подтвердились, когда рядом вдруг возникли две девицы, наготове держащие в руках телефоны.

— Берт! А можно с тобой сфотографироваться?

Казалось, Берт побледнел, а Пол сжал губы в тонкую линию, очевидно, раздражаясь.

— Дамы, боюсь, Берт должен вам отказать, — сказал он сдержанно.

— Но мы же быстро, всего пару кадров.

— Даже один кадр — слишком много.

— Это же просто фотогра...

— Имейте совесть, черт вас подери!

Девушки отшатнулись, словно обжегшись. Пол тяжело вздохнул.

— Простите. Но сейчас не лучшее время, ладно?

Все это время я наблюдала за Бертом. Так как лицо — единственное мерило его эмоций, я смотрела именно на него. На то, как в первые секунды его глаза округлились в панике, как потом он начал взволнованно поджимать губы и как под конец всей этой драматической сценки они приоткрылись, выпуская воздух, удерживаемый в легких длительные мгновения. Должно быть, именно поэтому он предпочитал приходить именно поздно вечером, под закрытие — чтобы быть подальше от любопытных глаз, хотя я и не знала, кто он вообще такой и почему к нему было столь повышенное внимание.

Я знала про него лишь то, что могла видеть: что он не разговаривает, что пьет чистый эспрессо, что у него длинные черные волосы, что он носит косуху и что его бледное лицо

имело какие-то странные, инопланетные черты, совершенно стирающие понятие возраста.

— Андреа, извини, — Пол снова развернулся ко мне. — Так какой номер, говоришь?

Диктуя ему свой номер, я совсем понятия не имела, во что ввязывалась. Я могла спросить фамилию Берта, чтобы потом посмотреть какую-нибудь информацию в интернете, но посчитала, что такой вопрос будет бестактным.

Все это выбивало меня из колеи, и дома я не сдержалась и рассказала обо всем Лауре, пока та тестировала новую завивку на домашнем манекене.

— И все, что я знаю, это его имя — Берт.

— Берт... — задумчиво повторила Лаура, перекидывая прядь волос манекена на искусственный лоб. — В мире много более или менее известных Бертов. Сейчас даже в голову ничего не приходит. Но ты, конечно же, собираешься с ним переспать?

Чай, который я отпивала в этот момент, обжег мне губы — так сильно я дернулась.

— Лаура! Конечно нет! Поверить не могу...

— А что такого? Подумаешь, не разговаривает. В постели наверняка разговориться.

— Дело не в этом, — я покачала головой, отставляя чашку на тумбочку. — Мне кажется, он глубоко несчастный человек, и ему вообще ни до чего нет дела. И, в конце концов, не равняй меня по себе. Я не пользуюсь такой популярностью

у мужчин.

— А вот это плохо. В нашем возрасте надо брать свое. Оглянуться не успеешь, и тебе уже тридцать пять, потом сорок, потом вообще старость... Ты, кстати, уже выбрала одежду для обеда?

Я об этом даже не думала.

— Нет, — призналась я.

— Тогда я тебе помогу. Есть у меня парочка интересных экземпляров.

Под «интересными экземплярами» она подразумевала два кашемировых платья. Одно было красным с вырезом на груди и разрезом на ноге, а второе — темно-синим с горлом. Я выбрала второе, к тому же оно больше всего шло к моим русым волосам, и его можно было подвязать поясом, таким же белым, как и мои кроссовки.

Я собрала образ, но не собрала саму себя. Когда утром мне пришло сообщение от Пола с назначенным временем, я поняла, что немного волнуюсь.

*Извини, забыл спросить твой адрес, поэтому такси подъедет к половине второго к кофейне. Пол.*

В какой-то момент я хотела отказаться. Хотела написать ответное сообщение с извинениями и отказаться. Но, видимо, для этого Берта это было важно, что по случаю моей помощи решил отблагодарить меня, пригласив на обед. Я терпеть не могла кого-либо расстраивать.

В час дня я вышла из дома, чувствуя себя наряженной кук-

лой, потому что Лаура, помимо дорогого платья, настойчиво повесила на меня серебряные цепочку и сережки с фианитами. Нет, я не выглядела вычурно — скорее, непривычно для самой себя.

Такси и правда подъехало к кофейне, и я села в него, предварительно спросив, на чье имя был сделан заказ, чтобы понять, не ошиблась ли я машиной.

Всю дорогу я смотрела в окно, теребя собачку на замке своей сумки. Я надеялась, искренне надеялась, что, куда бы я не ехала, я не буду с Бертом один на один, потому что даром говорить на одном языке с немцами не обладала. Его брат наверняка должен был быть с нами в качестве переводчика и эдакого посредника между двумя совершенно разными мирами.

Когда меня высадили у частного сектора, я откровенно растерялась. Вокруг стояли роскошные дома в два-три этажа с высокими оградами и системами сигнализаций. Недалеко виднелся зеленеющий парк с доносящимся оттуда чириканьем ранних птиц, и атмосфера тут стояла с плотным вкраплением зажиточности и одухотворенности.

Металлическая дверь кирпичной ограды открылась, и из нее вышел Пол. Он был одет в обычные джинсы, синюю рубашку и ботинки.

— Привет. Отлично выглядишь, — сказал он, держа дверь одной рукой.

— Спасибо. Правда я думала, что мы будем в... обще-

ственном месте, поэтому оделась попримечнее.

— Извини. Берт не любит выходить в люди. Только за такими редкими исключениями, как поход в вашу потрясающую кофейню с изумительно вкусным кофе.

Я начала краснеть, еще даже не зайдя к ним на участок и не вступив в светскую беседу, которую, как мне казалось, совершенно не умела вести.

— Все в порядке. Как вам двоим удобнее.

— Отлично. Тогда пошли — Берт ждет нас внутри.

Ступив за ограду, мне пришлось стараться не издавать удивленные оханья в сторону развернувшегося прекрасного палисадника, усеянного пестрыми цветами с такими объемными бутонами, словно перед тем как попасть сюда, они прошли конкурс на звание самой пышной флоры в мире. Между двумя небольшими зелеными островками, украшавшими придомовую территорию, пролегла мощеная камнем дорожка, которая вела точно на веранду. Мы поднялись по ступенькам трехэтажного каменного дома, и Пол галантно открыл передо мной дверь, пропуская внутрь.

— Извини за беспорядок. Не успели все прибрать.

Если беспорядком он называл криво стоящие лакированные ботинки у коврика и брошенную на пуфик перекрученную толстовку, то мне интересно было узнать, что он понимает под словом «хаос».

Пол провел меня вглубь через огромную гостиную с камином, телевизором, комнатными растениями и прочими бла-

гами цивилизации. Я также успела заметить большую стереосистему, которая, по моим подсчетам, стоила как моя месячная зарплата за две работы сразу. Все было светлым, просторным, и кто-то, кому, очевидно, принадлежал дом, питал слабость к полотнам модернистского течения и странным статуэткам, вылитым из металла, и выглядящим так, словно неведомые существа сошли точно с картин Сальвадора Дали.

Берт ждал нас в кухне. Он стоял возле накрытого и сервированного стола и, не замечая нас, тер ладони друг о друга.

— Очень уютный дом, — произнесла я раньше, чем смогла вообще подумать над первой репликой, но было уже поздно.

Берт обернулся. До этого явно напряженный, он расслабился, и черты его инопланетного лица смягчились. Уголки его губ немного поднялись и он кивнул, что, как я предполагала, означало «спасибо».

— Это дом Берта. Он любит обставлять пространство со вкусом. Что же, — подытожил Пол. — Присаживайтесь. Сегодня я ваш официант и сомелье в одном лице.

Я не знала, кто эти люди, но понимала, что они весьма любезны, и немного успокоилась, аккуратно и с прямой спиной садясь за стол. Берт сел следом — точно напротив меня через продолговатый дубовый стол.

Пол поставил на стол разные блюда. Я узнала салат «Цезарь», лазанью, пасту карбонару и многие другие яства, включая изысканные вина: мерло и шардоне дорогих марок.

«Обслуживание» произошло настолько быстро, что я даже не успела ничего не сказать или придумать, чтобы сказать, тем самым завязав разговор.

— Угощайся, Андреа, — Пол сел на свое место сбоку стола и улыбнулся. — Итак, все, что мы знаем, это то, что ты обаятельна и талантливо владеешь фортепьяно. Расскажи нам, откуда ты.

Рядом с Бертом лежали блокнот и ручка — наверное, на случай, если Пол не будет знать ответ за него. Я ожидала, что он письменно отреагирует на слишком обильные комплименты своего брата в мою сторону, но он лишь закатил глаза и поджал губы. Как в кофейне.

— Ну, — чтобы не выглядеть слишком застенчивой, я принялась накладывать себе салат. — Я родилась и выросла в Нейпервилле. Окончила музыкальную школу экстерном по классам фортепьяно и скрипка. Наверное, это самое интересное, что я могу о себе рассказать.

— Этого не может быть, — вставил Пол, прежде чем я смогла чем-либо продолжить, а Берт взял в руки тетрадь и начал что-то в ней выводить. — Например, нам было бы интересно послушать, как ты оказалась в Чикаго.

Мне стало неловко от того, что черри упорно отказывалась нанизываться на мою вилку, но я старалась подавлять в себе все, что связано с неловкостью.

— Как бы это банально не звучало, но... я приехала за мечтой. Всегда хотела открыть свою студию, чтобы обучать там

игре на инструментах всех желающих.

Берт наконец закончил писать и развернул тетрадь лицевой стороной.

*Почему именно та мелодия?*

Это была наша первая какая-никакая коммуникация и она уже ввела меня в ступор. Сам Берт вводил меня в ступор. Я не знала, что с этим делать, но расшифровала вопрос правильно.

— Это было произведение «Historiette No.5» Фабрицо Патерлини. Оно всегда меня успокаивало. И вообще в неоклассике есть свое очарование. Она свежа на звучание.

— Слышал, Берт? — Пол усмехнулся, прожевав кусочек курицы. — Не то что твоя электроника. Бр-р. Аж зубы сводит, как вспоминаю.

Пол явно умело поддерживал разговор, но Берт был словно на своей волне.

Он написал:

*Что еще ты умеешь играть?*

Внезапно все произведения вылетели из головы. Пришлось шевелить свою память насильно.

— Много чего. Моцарт, Чайковский, Шуберт, Эйнауди, Каччапалья, Хрисомалис... — я бы стала перечислять дальше всех классиков и неоклассиков, которых знала, если бы не прочла:

*Сыграй нам.*

Я оказалась в состоянии смятения, но Пол, похоже, лучше

понимал ситуацию и пояснил:

— У нас есть рояль на втором этаже. Было бы чудесно, если бы сыграла нам что-нибудь.

Любовь к музыке затрепетала во мне от перспективы принести в этот дом немного звуков, хотя и одновременно с этим волнение дало о себе знать, и мои ладони запотели.

Берт и Пол смотрели на меня выжидающе.

— С радостью сыграю для вас.

Мое согласие обрадовало Пола, а Берт, от которого и исходила просьба, остался безэмоционален. Он вообще казался мне безэмоциональным человеком.

Мы встали из-за стола и по широкой беломраморной лестнице поднялись на второй этаж. Вид со ступенек приводил меня в восторг — сверху обстановка первого этажа была еще красивее и утонченнее, но фокус внимания сразу же пал на просторную залу между двумя стенами и выходом к лоджии посередине. Там-то, в центре, и стоял рояль. Собой он разбавлял авангардистскую атмосферу, созданную полотнами, скульптурами и интерьером, добавляя ему больше классических ноток.

Я несмело подошла к закрытому инструменту, осторожно погладив его черную крышку.

— Он настроен?

Пол пожал плечами.

— Его привезли сюда во время переезда Берта. Это было где-то четыре месяца назад. Но транспортировка была акку-

ратной.

— Разрешите? — я указала на рояль, спрашивая у хозяев разрешения, но смотрела, разумеется, больше на Берта.

Берт кивнул и даже — мне могло показаться — легко улыбнулся уголками губ.

Банкетка была обита черным бархатом, ее мягкость я ощутила сквозь платье, когда села за рояль, выпрямляя спину, как на концерте.

Берт и Пол сели на белый кожаный диван справа.

Лихорадочные минуты, затраченные на подготовку, я думала, что же именно мне сыграть. Это должно было быть что-то особенное, что медленное и одновременно быстрое, что-то животрепещущее...

Мои пальцы, не дождавшись команды от сознания, начали легонько, на пробу, наигрывать «В погоне за счастьем» молодого композитора Ильи Бешевли, чьи концерты я периодически смотрела в интернете. Инструмент оказался в хорошем состоянии и, как только я поняла, что звучание чисто, начала играть заново, но вдумчиво и с чувством.

Начало было спокойным: правая рука нежно перебирала клавиши, а левая добавляла немного низкого звучания басового ключа. Через несколько тактов история, заключенная в мелодию, начала развиваться и стала течь намного быстрее, как журчащая река. Она нарастала-нарастала-нарастала вплоть до своего завершающего пика, затем сменившись отголосками новых нот. Мажор переплетался с минором, зву-

ки сменяли друг друга и под конец мелодия из начала снова вернулась, но сей раз став более тихой и увядающей, но это увядание было лиричным и красивым.

Когда я закончила играть, повисла тишина. Несколько секунд я смотрела перед собой, боясь повернуться к своим слушателям, словно могла ожидать от них пренебрежительной усмешки. Но ее не было.

— Андреа, это было прекрасно, — раздался голос Пола, и я повернулась.

Выражение его лица говорило больше, чем любые слова, но я не могла не поблагодарить его.

— Спасибо, Пол. Это одно из моих самых любимых произведений.

Взгляд упал на Берта. До этого читая его по глазам и морщинкам, сейчас я не могла прочесть ничего. Только его большие-пребольшие глаза смотрели то на меня, то в сторону.

— Что ж, я считаю это поводом приглашать тебя чаще, да, Берт? — Пол легко задел брата по плечу своим плечом. — Берту нужно что-то подобное. Нечто... спокойное. Скажем, несколько сессий хорошей музыки под твоим руководством.

Берт выглядел совершенно точно удивленным, и не сказать, что это удивление было приятным. Блокнот лежал у него на коленях, но он ничего не писал.

— Берт немного нелюдимый, — сказал Пол, обращаясь взглядом ко мне. — Ему нужно чуть встряхнуться и...

Его перебило агрессивное сопение Берта, не могущего

сказать ни одного слова, но вынужденного смотреть, как собственный брат закапывает его перед посторонним человеком.

Он взял ручку и что-то написал на блокноте.

— Это не аргумент, — голос Пола стал чуть жестче. Он подождал, пока Берт, нервно надавливая на ручку, не написал что-то еще. — Я понимаю твой протест, но тебе не кажется... — увидев какую-то фразу на листе, Пол буквально взорвался. — Твою мать, Берт! Тебе необходима реабилитация, и если чертова классическая музыка влияет на тебя так положительно, то ты будешь ее слушать! Ты понял меня?

Чужая семейная драма всегда была для меня неловкой вещью, поэтому я сидела, покрытая красными от смущения пятнами, и не знала, что делать.

Берт продолжил что-то писать.

— Нет, даже не смей это говорить, — предупредил Пол, видя, как постепенно на бумаге выводятся слова. — Если ты скажешь это, я клянусь, что...

— Прошу прощения, я, наверное, пойду, — я поспешно встала с банкетки, не зная, куда себя деть.

Пол встал следом.

— Нет, Андреа, извини... Оставайся. Просто небольшие братские пререкания.

Я мельком посмотрела на Берта. Он выглядел так, словно готов был испепелить всех в радиусе ста миль, его челюсть была напряжена.

— Боюсь, я не могу остаться. Не хочу вас смущать своим присутствием. Вам нужно о многом поговорить... Только проводите меня до двери, пожалуйста. Я боюсь заплутать.

Первые секунды мы молчали. Своим решением я заметно расстроила Пола, но потом он вздохнул, провел ладонью по волосам и поджал губы у подобии неловкой улыбки.

— Тогда прошу за мной.

Спускаться в тишине было невыносимо, хотя я и не понимала, что нужно говорить в ситуациях, когда встреча с кем-то оказывается безнадежно испорчена. Ты чувствуешь себя беспомощным, потому что не смог исправить положение, и ощущаешь тяжесть в груди, которая нарастает все сильнее по мере каждого твоего шага.

Возле двери мы с Полом мягко пожали друг другу руки. Берта с нами не было — он, взвинченный, видимо, остался сидеть наверху. Это было грубо и негостеприимно с его стороны, но я могла его понять — замкнутым по каким-либо причинам людям всегда трудно.

Уже за порогом я могла вздохнуть спокойно: не было ни ощущения, что я должна произвести хорошее впечатление собой и игрой, не было неловких попыток понять и прочитывать между строк, кто эти люди и что вообще случилось... Но осталось только одно — стойкое чувство жалости. Не ко всей ситуации в целом, а к этому одинокому на вид, несчастному человеку. Должно быть, я уже никогда не разгадаю, что с ним произошло.

Я вызвала такси. Садясь в него, я еще раз обернулась на красивый большой дом, пытаюсь отпечатать в памяти только то хорошее, что успело в нем произойти за мое кратковременное пребывание в нем: чудесный обед и звуки рояля.

Дома мне предстояло отвечать на расспросы Лауры. Морально я не была готова, но знала, что мне не уйти от ее настойчивости и любопытства, и первым вопросом, когда я скинула сумку на пуфик в коридоре, было:

— Не поняла, ты почему такая расстроенная?

Наверное, все было написано на моем лице, насколько бы я не старалась внушить себе, что всякое в жизни бывает.

Туфли соскользнули с моих уставших ног.

— Скажем так, — я, немного прихрамывая, прошла в свою комнату, а Лаура увязалась за мной, — Пол, брат Берта, само очарование, а вот Берт... С ним было сложно.

— Ну давай, расскажи анекдот, как немой смог испортить всем настроение.

— Настроение он не портил, — спиной я завалилась на мягкую перину, чтобы немного потянуться. — Но он и правда сделал ситуацию сложной... Ох, Лаура, давай я тебе потом все расскажу? Если честно, я очень сильно устала, а мне еще на смену идти.

Та посмотрела на меня сверху вниз и беззлобно усмехнулась.

— Ладно, бывай. Но я все равно потом спрошу!

В этот момент я понадеялась, что из-за разных графиков

мы сможем поговорить еще нескоро. Я очень ценила Лауру, но иногда хотела оставлять случавшиеся со мной вещи при себе, хотя бы на время — так у меня создавалось ощущение сокровенности. Пускай произошедшее и не ассоциировалось с чем-то приятным, но оно было мое и только мое.

После двадцати минут бесполезного и ленивого лежания я переоделась в более привычную одежду и пошла в кофейню, в итоге закончив день, отдраивая полы, на которые одна из посетительниц случайно пролила до безобразия жирный и липкий из-за двойной порции сиропа какао на сливках.

Обычно после таких смен я приходила домой страшно раздраженная, задающаяся вопросом, как долго еще мне нужно работать там, где я работать не хочу, и заниматься тем, чем я не хочу заниматься. Рассудительный ум настойчиво пытался убедить меня, что я делаю это ради своей мечты, но мое протестующее против такой нагрузки тело говорило, что лет через сорок я пожалею о своем выборе погони за быстрыми деньгами в той сфере, которая мне ни капельки не интересна.

Жила ли я вообще свою жизнь? Многие философские изречения, произносимые устами всяких коучей и психологов, говорят о том, что счастье заключается в обретении любимого дела. Только на нем ты можешь ковать себе благополучие. Да, пускай поначалу будет тяжело, пускай сперва ничего не получается, пускай спрос будет не очень большой... Но рано или поздно все получится, как получалось у многих великих

или, как минимум, успешных людей, которые однажды просто приняли решение не сдаваться.

После таких мыслей во мне горело жгучее желание бросить работу в кофейне и целиком и полностью посвятить себя репетиторству. И вот в этот момент в противовес тем философских изречениям в голову закрадывался противный голосок: «А за аренду ты чем платить будешь?», и тогда все мои амбиции гасли как угольки костра, политого холодной водой. Иногда чтобы обрести, нужно потерять — я понимала это. Но потери могли быть слишком велики.

Утром следующего дня меня разбудила Лаура. Она вошла в мою комнату бесцеремонно и уселась на край кровати, закрыв лицо руками.

— Лаура, ну что опять случилось? — мой голос был недовольным и ворчливым из-за внезапного пробуждения.

Подруга уронила голову окончательно.

— Джим все же продает квартиру, — выдохнула она. — У нас есть неделя, чтобы съехать.

## Глава третья

Утро было не добрым. Шел третий день после сказанной Лаурой новости, а я все еще пребывала в шоке и не имела никакого понятия, куда мне податься по истечению еще четырех дней.

Джим, конечно, предупреждал Лауру еще пару недель назад, что скорее всего планирует продавать квартиру, но давать нам всего лишь неделю — настоящее свинство. Я мало ругалась в жизни, но неужели он думал, что за неделю мы найдем новое жилье и, быстренько собрав вещички, съедем?

Лауре было проще — она могла вернуться к родителям, хоть они были теми еще невыносимыми личностями, а я... У меня не было возможности найти новое пристанище. Жить в хостеле с совсем неизвестными мне людьми? Ну уж нет.

Набирая номер папы, я уже знала, что скажу ему.

— Доброе утро, моя малышка. Ты встала так рано в выходной?

Его голос действовал на меня умиротворяюще, даже слишком умиротворяюще, поэтому, учитывая ситуацию, в горле возник большой ком жалости к самой себе.

— Пап... я не справилась.

И тут я откровенно заплакала.

Я редко плакала, всегда мужаясь и стараясь в каждой ситуации видеть только хорошее, видеть перспективы. Но ка-

кие могли быть перспективы в том случае, если я вернусь обратно в родной город? И даже не «если я вернусь», а я точно вернусь. У меня просто-напросто не было другого выбора. Папа все же ошибся — Чикаго выплюнул меня, избавился, как от слабого звена.

Я постаралась кратко описать ситуацию, не сбиваясь в лишние слезы и вздохи. Выслушав меня, папа изрек:

— Моя девочка, ты не представляешь, насколько ты еще молода и сколько перед тобой еще откроется возможностей. Даже если ты вернешься сюда, то только для того, чтобы ворваться в большой город снова. Не в Чикаго, так в Нью-Йорк, в Париж, Берлин, Милан... Да куда угодно!

Я засмеялась сквозь пелену печали.

— Нет-нет, Андреа, не смейся. Ты способна на многое. Я знаю это. Я буду рад, если ты вернешься, но и буду рад, если ты вдруг сможешь остаться в Чикаго.

Нет, я не могла остаться в Чикаго, я понимала это. На самом деле ко времени разговора с папой я уже собрала часть вещей, чтобы вернуться в провинцию. Мне оставалось только обзвонить своих учеников и отработать последнюю смену в кофейне — благо, начальство вошло в мое положение и оказалось готово разорвать трудовой договор без промедлений.

Меня убивал тот факт, что в провинции совершенно нечем заняться. Музыка там мало ценилась, как и все искусство и творчество в целом, а работа... Из приятной работы

там была только вакансия библиотекаря, но это все равно не мое.

С чувством горечи и одновременно облегчения я пошла на свою последнюю смену.

Если честно, я ожидала от себя более утрированных эмоций, когда на самом деле, взбивая очередные пять унций молока, испытывала ровно ничего. Руки и ноги двигались механически, а разные мысли проносились таким быстрым вихрем, что я не могла ухватить ни за одну из них. Рита смотрела на меня с откровенным сожалением, прекрасно зная о моей ситуации.

— Арендодатели — скоты, — сказала она в итоге. — Они заламывают цены до потолка. Ну, ничего, Андреа, все у тебя будет хорошо.

Лично я в этом сомневалась, но благодарно приняла жест поддержки.

В обед примерно около часа я провела, заполняя журналы и лениво вычищая пищевой сор с витрины. Я склонялась над предпоследней полкой и чуть не ударилась головой об верхнюю, когда со стороны кассы неожиданно донесся знакомый голос:

— Андреа. Привет.

Мне пришлось аккуратно распрямиться, потому что спина после уборки начала немного ныть. Увидев посетителя и точно убедившись, кто это, я постаралась скрыть удивление, заменив его улыбкой.

— Привет, Пол. Пришел за чашкой бодрящего кофе?

Только самый невнимательный человек мог не заметить одну черту, присущую Полу — он всегда выглядел уверенно в себе и обольстительно, но если был напряжен, эта обольстительность начинала казаться агрессивной, словно он не мог принять тот факт, что тоже иногда бывает потерян и смущен.

— Спасибо, но я не за кофе, — ответил он. — Если честно, я к тебе.

— Ко мне?

— Да. Твоя коллега не против, если я украду тебя за столик на пару минут?

Я посмотрела на Риту. Та, ошиваясь неподалеку, все слышала, и лишь коротко одобрительно кивнула, готовясь мне подменить.

Если честно, мне уже не было ни до чего дела; я просто хотела отработать последнюю смену и уйти, но мне неловко было отказывать в разговоре этому человеку, о чем бы он ни был.

Мы присели за столик подальше от кассы.

— Андреа, послушай, — начал он, на мгновение поджав губы, — я хотел извиниться за прошлый раз. Все пошло не так, как планировалось. Мне очень жаль. Как и Берту. Мы все взрослые люди, просто ему... ему тяжело.

Это был благородный жест — прийти сюда лишь для того, чтобы извиниться. Не все обладают такими манерами и

воспитанием.

— Пол, все в порядке. Правда. Я очень ценю, что ты пришел и сказал мне это, хотя вовсе и не стоило. Такое бывает — какие-то знакомства просто не складываются, — для пущего спокойного вида я пожала плечами, но Пол удивил меня в следующую же секунду:

— В том-то и дело, я хочу, чтобы оно сложилось.

Я должна была отреагировать с тактом, но не смогла.

— Что? Зачем тебе это?..

— Не мне. А нам. Я делаю это ради Берта. Мы с ним поговорили еще раз и сошлись на том, что ему нужен своего рода личный композитор. Ты не поверишь, мы даже ходили к нейробиологу, и тот подтвердил, что классическая музыка очень хорошо влияет на его мозг, но слушать пластинку — совсем не то. Нужен человек, который создаст эффект концерта, привнесет живую музыку. Понимаешь?..

— И вы хотите, — медленно проговорила я, — чтобы этим человеком была я?

Пол безо всяких томительных экивоков подтвердил:

— Именно так.

Такое простое и одновременное пугающее предложение ошарашило меня. Но потом я вспомнила одно печальное обстоятельство, которое вынуждало меня отказаться, несмотря на подчеркнутую музыкой привлекательность гипотетической сделки.

— Пол, прости, — я ощутила болезненный укол в груди,

— я не могу. Я уезжаю из Чикаго. Боюсь, что навсегда.

Мой собеседник оказался заметно подавлен.

— Что? Почему?..

Глаза, вызывающие доверие, смотрели на меня с толикой сожаления, и я не смогла соврать.

— У меня возникли проблемы с арендой жилья, поэтому я возвращаюсь к себе в родной город. Я не тяну, Пол, просто не тяну.

В этот момент я, наверное, сказала нечто веселое или даже смешное, потому что Пол беззлобно усмехнулся и, встав рядом и бережно подняв меня, придерживая за локоть, повел к выходу.

— Здесь слишком много людей, — прошептал он, отпустив меня только тогда, когда мы вышли на улицу. — Андреа, милая Андреа, — наконец он мог говорить открыто, — ты и правда не знаешь, с кем тебе предлагают иметь дело. Ты думаешь, я говорю тебе о неоплачиваемой работе? Ты ошибаешься. Мы готовы платить немалые деньги, которых точно уж хватит на покрытие аренды даже в центре Чикаго. Возможно, прозвучит жестко, но я не намерен играть в принца на белом коне. Все, чего я хочу — помочь брату почувствовать себя лучше. Все это ради него.

На мафиози они явно не тянули, но меня все по-прежнему мучил вопрос: кто Берт такой? С другой стороны какое мне дело? Мне предлагали возможность продолжить работать с музыкой и остаться в Чикаго. Почему я должна отказываться

от этого? И все же я не была уверена.

— Пол, мне нужно подумать.

— Насколько остро у тебя стоит вопрос жилья?

— Если честно, у меня есть еще завтрашний день, чтобы выселиться.

— Отлично! — Пол оптимистично хлопнул в ладоши. — Точнее, я хотел сказать, приезжай завтра с вещами на тот же адрес. Я расскажу тебе все, что ты должна знать, чтобы принять решение. Если оно будет положительным, остаешься у нас перекантовать на недельку, дальше мы выплатим тебе аванс. Договорились?

Протянутая рука ждала ответного пожатия.

Недолго думая, я ответила ему.

После смены всю дорогу до съемной квартиры пришлось провести в раздумьях.

\*\*\*

Собирая вещи в чемоданы и во второй раз направляясь в Лейк Форест, я твердила себе, что знаю, что делаю. Имелось два варианта развития событий, при худшем из которых я беру эти же чемоданы и возвращаюсь в Нейпервилл. Мы с отцом будем безусловно рады видеть друг друга, но у этой встречи окажется непременный вкус моей разбитой мечты. В лучшем случае я приму предложение Пола, буду музицировать Берту, продолжу заниматься со своими учениками и, возможно, вскоре открою свою школу... Звучало ли это так просто? Конечно. Но мечты — лишь гипотетическое буду-

щее в голове, когда как многомерная реальность всегда подавалась мне с трудом, нехотя.

Я написала Полу, что подъезжаю, и он вышел встречать меня возле ограды.

— Рад, что ты приехала, — поприветствовал он, отсалютовав рукой. — Пошли в дом, там я введу тебя в курс дела.

Он не стал дожидаться разрешения и просто взял у меня два чемодана, чтобы помочь донести их до нужного места.

Внутри дома было не так жарко, как на улице: прохлада веяла от кондиционера, установленного в коридоре почти на выходе.

— А где Берт? — вежливо поинтересовалась я, хотя видеть хозяина дома пока что не очень хотела — боялась неловкости.

— Берт скоро приедет — был на приеме у своего врача. Хочешь кофе или чай? — Пол прошел вглубь дома на кухню. Свои вещи пришлось оставить у входной двери.

После работы в кофейне меня бросало в дрожь от слова «кофе».

— Чай, если можно. Спасибо.

Я огляделась — с прошлого раза тут ничего не изменилось. Пока Пол колдовал над чайником и чашками, мои мысли вразнобой сбегали от намерения анализировать ситуацию, в которой я оказалась. Я сильно нервничала, хотя мне еще даже не начали ничего объяснять.

Когда Пол поставил передо мной чашку, источающую аро-

мат жасмина и мяты, мне показалось очень трудным изображать из себя вежливую и чуткую девушку. Я устала, очень устала, и мне быстрее хотелось понять, стоит ли игра свеч.

Благо, собеседник не стал меня слишком долго томить.

— Я обещал ввести тебя в курс дела, — произнес он, немного подумав, и сел за стойку напротив меня. — На самом деле все очень просто: как я и говорил, моему брату требуется личный музыкальный терапевт. Музыка, которой он обычно занимался, теперь только раздражает его мозг, хотя надо отдать ему должное — он построил целую империю индастриала и синти-рока...

— Ин... дастриала? — язык зацепился за новое слово.

— Ну да, — Пол пожал плечами. — Это жанр электронной музыки. Я понимаю, что тебе, как исполнителю классической музыки, индастриал и синти-рок в новинку, но это неважно. Важны только особенности твоей работы с Бертом. Как ты заметила, у Берта мутизм — он не может разговаривать. Или не хочет. Как бы там ни было, он травмирован определенными событиями своей жизни, но он вполне хорошо общается письменно или жестами. Знать язык глухо-немых не нужно, он и сам его не знает, так что все просто. Мы предлагаем тебе три с половиной тысячи долларов в месяц. Не так уж и мало, правда? Но есть нюанс — тебе лучше снимать квартиру где-нибудь поблизости, либо нужно быть готовой приехать в любой момент, когда Берту будет нужно.

Свалившаяся информация гудела у меня в голове.

— То есть... жесткого расписания нет?

— Жесткого нет, но с понедельника по пятницу один раз в день Берту необходим сеанс классической музыки. Мы договаривались с ним этот момент.

Пока что все это звучало как обязанности по вакансии личного ассистента на полсмены.

— Сколько по времени должен длиться этот сеанс?

— Мы с ним договаривались на час, но на самом деле как ему будет удобно. В последнее время у него очень сложные... настроения.

— Пф, это я заметила... — я закатила глаза и только потом до меня дошло, что я ляпнула. — О боже, я прости, я вовсе не хотела...

Пол засмеялся.

— Ничего, я прекрасно понимаю. С Бертом бывает очень сложно.

— Сколько ему лет? — мое неумное любопытство взяло-таки верх. — Обычно, когда смотришь на людей, можешь примерно определить их возраст, но тут... Тут я в замешательстве.

— Берту тридцать пять. Трудно поверить, правда? Но этот черт не только молод и красив, он еще умнее меня, а мне, на минуточку, сорок три.

Я засмеялась, почувствовав себя намного легче, чем несколько минут назад. И все же меня гложит чувство неопределенности. Ответ нужен был Полу в ближайшие ми-

нута, я не могла тянуть, к тому же решалась моя дальнейшая жизнь: отсюда либо сразу в Нейпервилл, либо в мою временную комнату в этом доме.

Пугала ли меня перспектива взаимодействия с Бертом? Пугала. Но, может, все будет не так плохо?

— Хорошо. Я согласна.

Хотевший было что-то сказать Пол в натуральном удивлении вытянул лицо.

— Что, правда?

— У меня невелик выбор, поэтому... да, — я постаралась очаровательно улыбнуться, чтобы не выглядеть забитой личными обстоятельствами в самый угол.

Было заметно, что у Пола словно от души отлегло.

— Ты не представляешь, как сильно я рад это слышать. Предлагаю дожидаться Берта и известить его об этом. Ну а пока, — он встал из-за барной стойки, направляясь к лестнице, — мне надо переодеться. Слишком душно сегодня.

— Пол, — я окликнула его, когда тот уже почти поднялся вверх. — А что произошло с Бертом? Я имею в виду... Нужны какие-то особенности взаимодействия с ним?

Где-то тридцать секунд Пол стоял и думал, нервно отбивая ногой быстрый ритм по ступеньке. Я уже думала, что спросила какую-то глупость, но вскоре дождалась ответа. Полуулыбка Пола была печальной.

— Интернет скажет все намного лучше, чем я, Андреа. Просто вбей свой запрос. И да — его фамилия Беннет.

Сразу залезать в браузер на телефоне было бы неприлично, хотя, не скрою, все это только сильнее подогрело мой интерес. В ожидании Пола пришлось вернуться к недопитому чаю и временному одиночеству, проведенную в нервных мыслях. Не прошло и пяти минут, как открылась входная дверь. Первым инстинктом было обернуться, но мое напряжение подавило его. Мне стоило выйти навстречу в коридор? Мне нужно подняться и поприветствовать его? Господи, конечно нужно. Он же не собирается кусать меня.

Заранее наклеив на губы улыбку, я встала из-за стойки, обернулась... и наткнулась на слегка потерянный взгляд стоящего в двух метрах от меня человека. Черт, я даже не услышала, как он подошел. Его поступь была тихой, словно он мышка.

— Привет, Берт, — я протянула ему руку и тут же пожалела об этом, поскольку понятия не имела, как будет встречен этот жест.

Сегодня Берт был одет в майку-алкоголичку и зауженные черные джинсы. Волосы как обычно свисали ниже ключиц, а на пальцах красовались серебряные кольца. Это был первый раз, когда я видела его без косухи.

Все, думала я, наше повторное знакомство обречено, но тут Берт вытянул свою руку и соединил ее с моей в акте приветствия, коротко кивнув. На мгновение мне показалось, что его глаза лучились теплотой.

— Пол пошел переодеваться. Он предложил мне чай. Я

могу заварить тебе, если ты хочешь.

Берт отрицательно повел плечами, пройдя к навесным шкафам. Оттуда он достал бутылку алкоголя — судя по всему, это был ром — и невысокий стакан. Он повернулся ко мне и продемонстрировал, мол, хочешь? Я покачала головой.

— Алкоголь плохо на меня влияет, — пояснила я, чтобы заполнить тишину. — Быстро пьянею и долго прихожу в себя.

Берт плеснул в стакан порцию для себя. Стоял ранний день, а он уже наливал себе выпить. Это было не мое дело, но жалость снова всплыла наружу. Пришлось держать мимику в покое, чтобы не выглядеть слишком уж сопереживающей.

— Берт, ты вернулся, — со второго этажа спустился Пол, одетый в свободную майку и короткие шорты. — Что сказал врач?

Его брат изобразил пальцами жест «ок», глядя на поверхность барной стойки. Такой ответ Пола устроил.

— Отлично. Как ты уже понял, Андреа согласилась быть твоим музыкальным терапевтом. На ближайшую неделю-две ей понадобится ночлег, пока она не решит вопрос с арендой квартиры. Ты же покажешь ей ее комнату? Потому что мне уже нужно идти — заказчик хочет встретиться, обсудить детали.

— У тебя свой бизнес? — полюбопытствовала я.

Пол кивнул.

— Мебельный. Лучшие диваны и кровати в Чикаго. Если что обращайся.

Пол мне нравился. Этакая душа компании и весельчак. Еще я была ему благодарна за то, что он выступал связующим звеном между мной и вечно мрачным Бертом, от которого не знаешь, чего ожидать.

— Ну, я пойду. Буду на связи, — он помахал нам рукой и скрылся за входной дверью.

Наступило самое страшное — я осталась наедине с Мистером Молчание. Он все еще неотрывно смотрел на столешницу, как будто никого не было рядом с ним. Ром был почти нетронутым, словно его налили для антуража или по привычке.

— Ну так, — начала хоть какой-то диалог я, — чем ты обычно занимаешься здесь?

Господи, какая я дура... У него даже не было с собой листа бумаги и ручки, чтобы ответить. Зачем я вообще завела разговор? Это как попытаться передать предмет человеку с ампутированными конечностями — неловко и бессмысленно.

— Прости, я просто еще не привыкла к тому, что... что ты не разговариваешь.

Берт посмотрел на меня и вяло отмахнулся, как бы говоря «все в порядке». Он все-таки одарил вниманием порцию рома в стакане и выпил ее залпом, даже не поморщившись и с тихим стуком вернув емкость на столешницу, после чего кивнул головой в сторону лестницы.

Мы поднялись на третий этаж и остановились возле одной из комнат, дверь в которую была открыта — должно быть, мое временное пристанище. Я не спеша вошла внутрь, рассматривая убранство. Тут было светло, просторно и красиво: двуспальная высокая кровать с премиальным постельным бельем, широкие окна, пепельно-серебряные шторы, витиеватая люстра в виде цветочных стеблей, ковер в самом центре, персиковые обои и паркетные полы...

— Здесь очень уютно, — поделилась я впечатлениями, оборачиваясь. — Кстати, скажи мне, если захочешь, чтобы я сыграла тебе на роя...

Обращалась я, судя по всему, к пустоте — Берта и след простыл.

Если честно, мне казалось, наше взаимодействие обернется полным провалом. Работая в общепите, я терпела многих людей, но вынести Берта — это, похоже, особый навык, требующий неустанной работы.

Чуть позже я спустилась за чемоданами и разложила вещи в шкаф-купе. На какое-то время это меня заняло, но дальше... Дальше я понятия не имела, чем себя занять, поэтому позволила себе спуститься и изучить второй этаж. Он состоял из нескольких комнат, в которые я не осмелилась заглянуть, и залой посередине, где и стоял тот самый рояль. Из-за нервов с потерей съемного жилья, уходом из кофейни и подвешенного состояния в целом я совсем позабыла про свою отдушину — про музыку. Словно под гипнозом я села

на банкетку, открыла крышку инструмента и несмело коснулась клавиш. Один палец дрогнул и пространство пронзила нежная ля-бемоль. Не способная отказать самой себе, я начала наигрывать незатейливую мелодию собственного сочинения. Она сочетала в себе отголоски «Времен года» и чего-то личного, настолько моего, что душа была готова заплакать навзрыд. Эту музыку я сочинила недавно, когда ждала своего ученика на занятие — он немного опаздывал, а мне было нечем заняться, кроме как выдумывать различные сочетания звучаний.

Я повторила связку около четырех раз, пока не почувствовала чужое присутствие за спиной, и перестала играть.

Берт стоял, прислонившись плечом ко входной арке.

— Прости, — я тут же встала, ощутив, как будто меня застучали за чем-то неприличным. — Иногда я совсем не могу удержаться, когда вижу инструмент. Дурная привычка.

В руках у Берта была тетрадь и ручка. Он прошел к дивану, с удобством устроился на нем и написал на пустом листе: *«Продолжай»*.

Неуверенно я села обратно. На ум как назло ничего не приходило, что было на меня совсем непохоже. В таких случаях я всегда играла «Лунную сонату», как произведение на все случаи жизни.

Пальцы зажали нужные клавиши, извлекая минорные звуки, и мелодия полилась.

Для меня Бетховен был любимым учителем и знатоком

душ, его произведения я знала наизусть и дорожила ими, не позволяя себе забыть ни ноты.

Иногда я поглядывала на Берта: он сидел с закрытыми глазами, изломив губы, словно ему причиняли боль. Я знала, что эта боль нужная; музыка всегда стирает коррозию и очерствелость с души, и этот процесс нельзя назвать безболезненным, ведь музыка — настоящий врачеватель, она проникает в самую пораженную область.

Закончив играть, я на мгновение задержала руки над клавишами. Мне очень сильно хотелось спросить у Берта: «ну как тебе?», но я и так все видела на его лице. Он выглядел так, словно отходил после наркоза и едва что-либо осознавал. Ему было сложно выражать свои эмоции, но бывают такие чувства, которые невозможно скрыть даже профессиональному актеру. Вот за это я и любила музыку. Она обнажает.

Берт все еще сидел на месте, уставившись на меня. Нужно было что-то повеселее. Я принялась за мажорный наигрыш, но он коротко мотнул головой. Я попробовала еще раз. Снова не то. На минорные мелодии Берт откликался лучше, с большей охотой, и тогда пальцы взялись за еще одну придуманную мною связку.

Я играла так около пятнадцати минут, а по окончании Берт поблагодарил меня кивком головы. Он встал и ушел с таким каменным лицом, словно до этого не испытывал совершенно ничего. Что ж, я все равно считала эту короткую

сессию маленькой победой.

Остаток дня я безвылазно провела в комнате. На оставшиеся деньги заказала доставку еды, потому что было неловко лезть в чужой холодильник, и от души наелась том-ямом и салатом из морепродуктов. За трапезой я залезла в интернет, чтобы конец удовлетворить свой интерес касательно персоны Берта.

Берт Беннет был такой один — поисковая строка подкидывала мне продолжения запроса по типу: «Берт Беннет музыка», «Берт Беннет личная жизнь», «Берт Беннет год рождения» и так далее. Я нажала на первый предложенный запрос.

Итак, первая тайна, покрытая для меня мраком, была раскрыта благодаря Википедии. Берт — музыкант и певец, один из самых значимых представителей жанров индастриал, синти-рок и дарк-кабаре.

Недолго думая, я надела наушники и перешла в видео. Лента пестрела записями выступлений с концертов и клипами. Названия песен казались удручающими: «Дисгармония», «В огне», «Вопль»... Пока что у меня не было цели копать глубоко, но, смотря запись с концерта, я услышала то, чего никогда не могла себе объективно представить — его голос. Это точно был баритон верхних регистров, с легкостью дотягивающий до тенора и понижающийся до легкого баса. Он был способен описывать будоражащие вокальные пируэты. Сама музыка, основанная на эксперименталь-

ной модуляции дорожки, не вызывала того же восхищения, но ее сочетание наряду с голосом пробуждала ощущение чего-то психоделического. Такая музыка очень специфична: либо она не твоя, либо к ней нужно просто привыкнуть, дать ей время откликнуться в тебе.

Посмотрев несколько видео с концертов и весьма абстрактных клипов, я, внутренне дрожа, вбила запрос: «Берт Беннет — что случилось?».

То, что на странице повылазило десятки статей не безызвестных источников, повергло меня в настоящий испуг. Неужели случилось что-то настолько резонансное и жуткое?

Заголовки говорили сами за себя:

*«После кошмара. Как проходит реабилитация Берта Беннета?»*

*«Об обратной стороне успеха популярного вокалиста Берта Беннета»*

*«Чем обернулся для Берта Беннета сольный концерт в родной Калифорнии?»*

Эти заголовки дразнили нераскрытой информацией, побуждали кликнуть по ссылке и перейти. Я колебалась. Хотела ли я знать, что произошло с этим человеком? Наверное, я ужасная эгоистка, раз и правда хотела знать.

На скидку первая статья оказалась небольшой.

*«Певец и музыкант Берт Беннет на днях покинул больницу Лос-Анджелеса, в которой провел полтора месяца после того, как был обнаружен сотрудниками полиции в доме на*

*отшибе Таузен Оукс. На текущий момент врачи оценивают состояние музыканта как стабильное.*

*Напоминаем, что двенадцатого ноября Берт Беннет был похищен злоумышленником сразу после концерта в Калифорнии и отвезен в Таузен Оукс, где его продержали полтора месяца. Седьмого января полиции удалось отыскать пропавшего и доставить его в больницу в экстренном порядке из-за тяжелого физического и морального состояния.*

*Злоумышленник Питер Гласс, уроженец штата Мичиган, был застрелен при попытке бегства».*

То, что попало моему взору, никак не укладывалось в голову. Иногда, чтобы осознать информацию, нужно прокрутить ее в мыслях несколько раз, но даже этих нескольких раз оказалось слишком мало. Я не разбирала своих чувств, но одно ощутила точно — всеобъемлющий шок.

Пальцы автоматически вернулись во вкладку с клипами и нажали на «Глорию». Мой мозг пытался осознать, как этот яркий, харизматичный парень, увереннодвигающийся в пространстве перед камерой, превратился в тень самого себя только потому, что какая-то сволочь решила, что вправе распоряжаться чужой жизнью и чужой свободой. В «Глории» Берт перемещался из одной точки в другую в очень странном, но магнетическом танце, его глаза горели, а сверху падали частые капли дождя, пропитывая его одежду почти насквозь. И Берт пел, пел своим цветистым голосом, на высоких нотах пронзая мои барабан

# Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.